

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

Из клиники меня выписали лишь на Масленицу. С двигательными рефлексами стало все в порядке, а вот с речью докторам справиться не удалось.

- Вы - явно не немой, но почему не можете говорить, современной науке не известно. Скорее всего, мы имеем дело с каким-то психическим отклонением. Возможно, вы сами когда-нибудь вдруг возьмете и заговорите. Но когда это случится и случится ли вообще, я не знаю, - сказал мне перед выпиской седой профессор и отвел в сторону глаза.

Томская общественность была занята выборами в Государственную думу. Я не хотел никого загружать своими проблемами и нанес всего по одному визиту вежливости тем, с чьей помощью оказался на ногах.

Муромский первым делом поинтересовался, как у меня с деньгами, если нужна какая-то помощь на дальнейшее лечение, то он готов оказать ее. Я отрицательно покачал головой, мол, в средствах не нуждаюсь. Тогда адвокат посоветовал мне отправиться лечиться за границу.

- Поезжайте в Германию. Нет, лучше сразу в Швейцарию. Там самая передовая медицина в Европе. А какой воздух в Альпах! Я, правда, сам там не бывал, но от авторитетных людей слышал, что одним только горным воздухом можно лечиться.

Я улыбнулся и утвердительно кивнул. Да, собеседник из меня теперь был никудышный. И хозяин дома облегченно вздохнул, когда я встал и потянулся за пальто.

Визит к Потанину получился более душевным. В комнате, которую он снимал, не было даже свободного места, чтобы присесть. На стульях и лавке были разложены какие-то географические карты, раскрытые книги, газетные вырезки, прокламации. Маленький, сухощавый, волосатый, как Вий, насупленный старик в поношенном черном сюртуке, прикрытом сверху серым пледом, восседал за несоизмеримо огромным для него захламленным столом и быстро что-то писал. Увидев меня, он встал и вышел на середину комнаты. Мне даже не пришлось представляться - писать на бумаге, кто я. Григорий Николаевич сам узнал меня, хотя видел лишь единожды, перевязанного и без сознания. Мы сели. Потом он какое-то время пристально смотрел на меня, но я не испытывал от этого никакого неудобства. Он не просто читал мои мысли, а как бы разговаривал со мной глазами.

И вдруг неожиданно спросил:

- И когда вы намереваетесь отправиться на родину?

Могу поклясться, что ни одна живая душа не знала об этом моем намерении. Только вчера, выходя от Муромского, я решил перед отъездом в Швейцарию посетить Павлодар и попытаться отыскать там знахарку, которая однажды уже излечила меня от немоты.

Пораженный его внутренним зрением, я поочередно загнул все пять пальцев на ладони, мол, через пять дней.

Но Потанин в своих мыслях убежал вперед и произнес фразу, которую я запомнил на всю оставшуюся жизнь:

- В любом положении есть свои достоинства. Молчаливые люди мне всегда нравились больше, чем болтуны. В наш говорливый век слова уже малого стоят. Окажись я на вашем месте, наверно, занялся бы каким-нибудь затворническим